

ХАРЬКОВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕ ОФИЦІАЛЬНА Я.

№ 32.

АВГУСТА 16-го.

❶ ❸ ❹ ❻.

Содеряніе: Новая отрасль мелочной промышленности. Н. К.—Письмо въ редакцію Моск. Вѣд.—
Стихотворенія. —Частные объявленія.—О прѣхавшихъ и выѣхавшихъ.—

Новая отрасль мелочной промышленности въ окрестностяхъ Харькова.

Для устраниенія отъ себя упрековъ въ подражаніи замашкамъ фельетонистовъ, предварю съ первого раза читателей, что *новая отрасль мелочной подгородной промышленности*, о которой я сообщаю здѣсь не сколько замѣтокъ—не имѣетъ, пока еще, никакого особеннаго экономического интереса ни по роду или материалу промысла, ни по классу самыхъ промышленниковъ, ни по даѣннымъ промышленного оборота. Матеріялъ нашей новой промышленности—тряпки или *тряпичная ветошь*, скапаемая не сколько досужими мужиками изъ сосѣднихъ Великороссійскихъ губерній, въ подгородныхъ слободахъ Харькова, для бумажныхъ фабрикъ; классъ промышляющій—крестьянскія дѣти или, еще точнѣе, *дѣвочки крестьянъ*; статистически данныехъ этой промышленности—кромѣ цѣнъ, по которымъ *запросчики* иногда покупаютъ тяпые и по которымъ они продаютъ его на фабрики—рѣшительно пять, потому, что мелкая издѣлія олова, жести, стекла, на которыхъ дѣвочки обмѣниваютъ матеріялъ *запроса*, не могутъ, конечно, служить единицею ихъ промысла. Взыскательный къ словамъ читатель, послѣ этого объясненія, быть можетъ, найдетъ заглавіе моей статьи *съшкомъ притя-*

зательнымъ, педантическимъ: предоставлю повѣрить это самою статьею. Читатель, любящій узнавать все *правственно-человѣческое*, въ какихъ бы повседневныхъ, микроскопическихъ формахъ оно ни обнаруживалось—такой читатель, надѣюсь, и послѣ моего вступительного объясненія, не откажется съ живымъ сочувствіемъ вступить въ этотъ едва зародившійся міръ промышленной дѣятельности дѣтей, въ которомъ глазъ наблюдателя, видящаго и въ дѣтяхъ—человѣкъ, найдетъ и послѣдовательность *здраваго ума*, и инстинктивное чувство *добра и честности*, и проницательную *хитрость* разума, уже близкую къ обману, и страсть къ роскоши—однимъ словомъ, всѣ признаки *человѣческаго*, которые мы, къ сожалѣнію, любимъ наблюдать только въ большихъ размѣрахъ—въ промышленности компаний, обществъ, народовъ. Чтобы сдѣлать во всемъ этомъ судью самого читателя, я представлю здѣсь очеркъ или сцену этой промышленной жизни дѣтей такъ, какъ чинѣ случилось наблюдать ее въ одинъ изъ юсуговъ моего пребыванія на *Основѣ* или, точнѣе, присѣѧ ея—*Новоселовкѣ*.

Былъ ясный, прохладно-тихій юньскій день, одинъ изъ тѣхъ, которыми наслаждаться вполнѣ можно только въ-дали отъ Харькова, среди основьянскихъ сосенъ, которыхъ мелодическій, неизъяснимо-пріятный шумъ такъ располагаетъ къ нѣгѣ въ чуткой дремотѣ....

но кого?—одного больного горожанина, переселяющагося на житъе между самыхъ сосенъ!... Здоровымъ горожанамъ этотъ поэтическій шумъ, котораго незабвенный нашъ Пушкинъ заслушивалъ бы по нѣскольку часовъ, какъ шума моря⁽¹⁾, недоступенъ: одни, спящие бродячей гульивой вереницей по большой дорогѣ черезъ беръ на выставку⁽²⁾, за веселымъ шумкомъ въ головѣ не слышать этого мелодическаго, но все таки постнаго шума сосенъ; другіе—снуютъ въ каретахъ, фаэтонахъ, дрожкахъ etc. по пескамъ Основы, и вѣрно никогда не заглядывали ни въ одну рощу, которыми усѣяна ея песчаная котловина....

Я хотѣлъ раздѣлить мое наслажденіе юньскимъ днемъ съ дѣтьми новосёловскихъ жильцовъ. Замѣчу здѣсь, что дѣти крестьянъ, особенно же дѣвочки, дѣлили со мною большую часть моихъ досуговъ полуденныхъ и вечернихъ, и я дотого привыкъ къ ихъ шумливой болтовнѣ, играмъ и пѣснямъ, что вышедши послѣ обѣда посидѣть въ холодкѣ (какъ говорятъ у насъ), былъ пораженъ тишиной и совершенною пустотою дворовъ и улицы. Нигдѣ ни одной растрепанной (обыкновенно) головки. Я усѣлся въ тѣни и началъ безъ жалости жечь сигару, посматривая въ рощу. Вдругъ пронзительный визгъ на нѣсколько ладовъ заставилъ меня обернуть голову на лужайку, на которой расположены огорода, примыкающіе къ крестьянскимъ избамъ. По разнымъ пзвилинамъ дорожекъ, протоптаныхъ на этой лужайкѣ, неслась цѣлая вереница дѣвочекъ, которыя, опережая одну другую, бѣжали къ изbamъ, безпрерывно взвизгивая въ запуски: „тряпки—тряпки!“ и вызывая этимъ другихъ дѣвочекъ, остававшихся

въ избахъ. Въ одну минуту на небольшомъ пространствѣ лужайки закипѣла тревожная, лихорадочно-торопливая дѣятельность, какъ въ муравейникѣ, который вы вдругъ раскроете ногою или палкою. Я съ удивленіемъ смотрѣлъ, какъ прибѣжавшая къ изbamъ толпа въ мигъ разсыпалась врозь и дѣвочки стали шнырять по всѣмъ направленіямъ, такъ, что едва можно было успѣвать следить за ними. Одна кинулась въ глубокую борозду, окаймлявшую грядки моркови, и вытащивъ изъ подъ нависшихъ надъ нею вѣтокъ бурьяна два-три куска тряпокъ, торопливо сунула ихъ себѣ подъ мышку; другая—засунувъ руку подъ кучу навоза, добыла себѣ припрятанного товара; третья вскарабкалась подъ стриху (соломенную крышу) коровника и вытаскала оттуда запасенные ею кусочки; четвертая шмыгнула въ коровникъ; пятая въ самую хату и т. д., однимъ словомъ, каждая торопилась, стараясь предупредить, вѣроятно, уже неизбѣжное, похищеніе собственности или же скрыть отъ другихъ тайну храненія.... Съ запасомъ тряпокъ подъ мышкой и съ вывеской продажи въ правой рукѣ, высоко поднятой къ верху—дѣвочки побѣжали по лужайкѣ назадъ, къ проѣзжей дорогѣ, раздѣляющей Новосёловку на двѣ части, и кричали уже безъ оглѣдательного визга: „тряпки! дядю, дядю, тряпки!“

— Что это, Ульяна—спросилъ я мою хозяйку—дѣти тряпки собираются? „Это—Русскій, видно, идѣ.“—Давно Русскіе стали скучать у васъ тряпки?—„Другій годъ уже издѣлъ до пашь.“

Вспомнивъ разсказы одной незабвенной для меня старушки о тряпичной промышленности крестьянскихъ дѣтей въ Пруссіи, я радовался, видя, что эта промышленность—сколько могъ я судить по призывному окликну дѣвочекъ—и здѣсь получаетъ благоустроенные формы, становясь общимъ достояніемъ; но представивъ себѣ лихорадочную торопливость дѣвочекъ въ сборѣ тряпокъ и опасеніе, чтобы другая не подѣлила привратаннаго

(1) См. примѣчанія къ поэмѣ *Бахчисарайскій Фонтанъ* въ 11олн. Собр. соч. А. Пушкина 1839.

(2) Такъ называются на Основѣ *вольную*, т. е. продажу вина за чертой городскаго откупра, по ту сторону большаго бора, прилегающаго къ трактиру:

или не подсмотрѣла мѣста храненія,—я, къ душевному моему огорченію, увидѣлъ, что зародыши порчи, неизбѣжный со всякимъ развитіемъ натурально-человѣческаго въ гражданско-гражданственное, былъ уже и здѣсь, между вами, мирные Новоселовцы! Любопытство побудило меня подойти къ плетню, которымъ огорожена была лужайка, примыкавшая на той сторонѣ къ проѣзжей дорогѣ, служившей и улицею.

Дюжая пѣгая лошадь тащила просторную русскую повозку, набитую кусками и лохмотьями разнаго тряпья, на грудахъ котораго *возспѣдалъ* (въ точномъ смыслѣ слова) пожилыхъ лѣтъ мужичокъ, съ чисто-малороссійскою лѣнью и съ самымъ гомерическимъ добродушіемъ лица. Эти особенности—странныя въ промышленникѣ изъ Великорусскихъ губерній, который бываетъ всегда живъ и изворотливъ въ сношеніяхъ съ нашими, неглупыми хохлами, расположили меня съ первого раза къ старику, тѣмъ болѣе, что живописная вереница дѣвочекъ, которая тянулась за его повозкою вдоль по дорогѣ, съ веселыми лицами и на каждыхъ пяти-десяти шагахъ подбѣгали къ повозкѣ, взирали на ступицы колесъ, отдавали тряпки, получали въ обмѣнъ бездѣлки и опять бѣжали впередъ, одна живописная вереница веселаго народа, вполнѣ убѣждала меня въ единодушномъ сочувствіи всѣхъ къ добротѣ старишки. Забавно было видѣть, какъ онъ, останавливаемый почти каждую минуту, вдругъ былъ осаждаемъ цѣлой полдюжины дѣвочекъ, изъ которыхъ каждая совала ему подъ руки свой запасецъ тряпья въ одна наперевѣръ передъ другою кричала: „а мини, дядю, а мини!“ Гомерический старики сидѣлъ, однакоже, съ невозмутимымъ спокойствіемъ: наклонившись надъ длиннымъ холщевымъ мѣшочкомъ съ бездѣлками, въ которомъ нужно было шарить, чтобы выбирать вещицы, сообразно съ цѣнностью продаваемаго ему товара, онъ какимъ-то непонятнымъ для меня образомъ успѣвалъ *двумя руками* и вынимать нѣсколько вещицъ

по чпслу дѣвочекъ, и придерживать мѣшокъ, куда не разъ пробирались рученки жадныхъ продавицъ, и принимать тряпки, и—наконецъ—отдавать каждой дѣвочкѣ, въ уплату за товарецъ, сдѣдовавшую ей долю бездѣлушки. Въ этомъ, правда, вмѣсто третьей руки, служилъ ему ротъ, въ который онъ клалъ вынимаемыя изъ мѣшка вещицы (большею частію крестики и колечки) и изъ котораго по томъ вынималъ ихъ, уложивъ правою рукою тряпки въ систематическомъ порядкѣ (черныхъ и бѣлыхъ сортовъ). Замѣчу, въ добавокъ, что въ это же самое время онъ успѣвалъ и вести со мною бесѣду.

— Чѣдѣ, старики, тряпье скупаешь?—,,Да, баринъ, скупаемъ:—А на что тебѣ тряпье? „Да на фабрики продамъ, требуютъ.“—А давно требуютъ, за чѣмъ? „Фабричное производство, видишь-ли, теперь *увеличилось*; „фабрикъ-то прибавилось; смыкали, можетъ, „бумажныя фабрики, вотъ Полторацкаго и „другія-многія?“—Знаю, знаю; а какія тебѣ нужны, всякия?—,,Да на три сорта разбираютъ: *блѣдую, спѣрную, есть и чернага.*“— Почемъ продаешь на фабрику? „За бѣлую 50 коп. сер. беремъ за пудъ, за сѣрную 40 коп.“ А почемъ покупаешь? „Всяко бываетъ: ино- „гда на свои дешыги покупаешь по 40 коп. „мѣди запудъ, атаки запѣниваемъ, видишь.“⁽¹⁾.

Не оѣнившись, въ разгарѣ любопытства, этого добродушнаго признанія, я предложилъ, далѣе, вопросъ о томъ, во сколько ему обходится пудъ тряпокъ на обмѣнъ вещицъ и сколько онъ зарабатываетъ себѣ въ день своимъ промысломъ? Старики продолжалъ объяснять мнѣ это на своемъ лаконическомъ языке, но услышавъ отъ него, что ему случается иногда и лошадки не прокормить днев-

(1) Къ сожалѣнію, я не могъ собрать точныхъ данныхъ о мелочной покупкѣ тряпокъ на монету; старики сказывали мнѣ только: „одной дасиш „копейку, другой грошъ, той обручку—что какъ пожелаетъ“...

нымъ своимъ промысломъ—я, сознаюсь, пристыдился и замялъ разговоръ. Между тѣмъ, пользуясь бесѣдою старика, заговорившагося со мною о тряпкахъ, вертлявая *Сашка*, которая уже раза три-четыре взбиралась на повозку и получала обручки—быть можетъ, за одинъ и тотъ же кусокъ, два-три раза ему показанный—снова очутилась передъ стари-комъ съ протянутой рукой.... Старикъ вглядѣлся въ лицо, слишкомъ уже ему знакомое, и понукалъ лошадь, отвѣтивъ плутовкѣ безмолвнымъ отказомъ. Повозка тронулась; въ подражаніе Сашкѣ еще двѣ-три дѣвочкѣ бросились къ старику; „а мана щэ, дядю! ми-ни.“... Ахъ вы... отвѣчали имъ, усмѣхаясь, старичекъ. „Дядю, дядю“—закричали голо-са—„не давай имъ“—„дядю, дядю—онъ Сашка соби тры обручки взяла“... Сашка бѣ-жала за имъ. „Ахъ ты!...“ сказалъ оборо-тившись къ ней старикъ, снова усмѣхаясь и грозя ей предобродушно пальцемъ.

„Дядю, дядю“ закричали ему всѣдѣ хо-ромъ дѣвочки—„спасыби тоби, что ты настъ „не обманюешь, дядю—якъ ти, что до настъ „йизгать.. Спасыби тоби, дядю“... Повозка скрылась въ концѣ улицы и дѣвочки стали пересматривать другъ у друга добытый мѣ-ною газантерейный товаръ.—

Вотъ вамъ возможно-вѣрный очеркъ сцены, которою я передаю со всѣми мелочными ея подробностями, для того имению, чтобы чи-татель имѣть *данный* для повѣрки дальнѣй-шихъ моихъ заключеній. Вспомнивъ законъ *аналогіи*, по которому природа остается всег-да себѣ вѣрною и одинаково-постепенною на всѣхъ ступеняхъ развитія, какъ въ огром-ныхъ массахъ, такъ и въ микроскопическихъ формахъ—читатель не будетъ удивленъ, еже-ли я скажу, что въ описанной мною сценѣ видѣнъ уже переходъ промышленной дѣятель-ности дѣтей изъ *перво-естественного* ея со-стоянія—простой *мѣны*—на степень чего-то *гражданственного* — *торга*, соединеннаго съ желаніемъ болѣшій *выгоды*. Всматриваюсь въ отношенія дѣтей между собою и въ разно-

роднымъ промышленникамъ, скучающимъ у нихъ тряпки, вы легко примѣтите разнород-ную смѣсь признаковъ, которые отличаютъ, въ цѣлой массѣ дѣвочекъ, *дитя—дикаря*, со-храняющее съ натуральнымъ инстинктомъ ума чистое нравственное чувство, отъ дитяти-гражданца, почерпнувшаго отъ сношеній съ плутами—покупщиками нѣсколько идеекъ о торгу и потому поступающаго уже съ разсчетомъ разсудка, притомъ нечуждающагося свое-корыстіемъ и, съдовательно, обмана. Дѣти—ди-кари составляютъ—къ чести Новосёловцевъ—большинство: этихъ дикарей вы легко можете отличить потому, что они 1) завидѣвъ вдали по-возку Русскаго, выбѣгаютъ на встрѣчу, на са-мый край села, хотя—замѣтимъ—и не имѣютъ съ собою тряпокъ, за которыми возвращаются потомъ въ село, точь-вѣ-точъ, какъ дикие ос-тровитяне, завидѣвъ корабли, пристающіе къ берегамъ ихъ земли—сами незваные являютъ съ кѣ Европейцамъ; 2) пронзительные взви-гиванья: „тряпки—тряпки“ обнаруживаютъ ту неизмѣренную, необузданную радость и со-тествоѣ *новому, иноzemному*, которая выхо-дятъ наружу только у человѣка, еще неосво-щеннаго со всѣмъ *внѣшнимъ*, постороннимъ *его быту*, т. е. у человѣка безъискусствен-но-естественного; 3) призывающій кликъ, объ-являющій о пріѣздѣ *иноzemца* въ село и сзы-вающій тѣхъ, которые оставались въ избахъ; къ участію въ радостномъ событиї—прекрасно выражаетъ ихъ безкорыстное, патріар-хальное чувство общежителности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, характеризуетъ ихъ идею о промы-слѣ, который долженъ быть *общимъ достоя-ніемъ*, а не дѣломъ *монополіи* или *компаніи*; 4) прятанье тряпокъ въ борозахъ, подъ на-возомъ, въ соломѣ и т. п. также обозначаетъ бытъ дикой и патріархальной жизни; 5) об-личеніе передъ старикомъ тѣхъ, которые обманомъ получили плату по два-по три раза за одинъ и тотъ же товаръ и процальное, на-путственное „спасибо“, что ты не обманыва-ешь насъ, какъ другое—выражаютъ безъот-четное (наввное), но высоко-нравственное

понятіе о честности и добросовѣтности до-
вѣрія (кредита), которыми обезпечивается
взаимная польза и успѣхъ торга. Ежели я
скажу въ заключеніе, что торгъ дѣтей-дика-
реи производится на вымѣнъ вещицъ, кото-
рыя не составляютъ собою никакой единицы
цѣнности, потому что это—предметы приход-
ти, а не существенной пользы⁽¹⁾—то этимъ
я окончательно дополню характеристику пер-
вой и самой интересной стороны въ промы-
шленности новосёловскихъ дѣвочекъ. Граж-
данственная (цивилизованная) сторона ея
представляеть для насъ, предпочтительное
нравственно-человѣческое, хотя и безсозна-
тельное, цивилизованному, рѣдко чуждому
порчи и жития на счетъ другихъ—эта граж-
данственная сторона имѣеть для насъ мень-
ше интереса и потому мы ее обозначимъ ко-
роче. Дѣтей—гражданъ этого промышленного
мира, которыя, къ чести Новосёловцевъ, со-
ставляютъ меньшинство, даже исключенія меж-
ду массою всѣхъ дѣвочекъ—вы можете узнать
по тому, что 1) не бѣгутъ на встрѣчу къ
Русскому, а сидятъ въ избѣ, зная, что дика-
ри дадутъ имъ знать о томъ вѣ время; 2)
не кричатъ вообще, какъ я замѣтилъ, но дѣ-
лаютъ дѣло молча; 3) не прячутъ тряпокъ
внѣ жилья, подъ открытымъ небомъ, но въ
избахъ, такъ, что никто у нихъ не подти-
брить припрятанного; 4) вѣроятно, пользуютъ-
ся простотою дикарей и ревизуютъ всякия
ямы, борозды, кучи, потому что, иначе, у
послѣднихъ не было бы такой лихорадочной
торопливости и боязни при сборѣ запасен-
ныхъ тряпокъ, о какой я сказалъ въ самомъ
началѣ сцены; 5) не даютъ товара продавцу

съ первого раза, какъ дикари, а только по-
казываютъ ему и высматриваютъ напередъ,
что за то получать, требуютъ настоятельно
прибавки, ежели имъ не даютъ довольно без-
дѣлокъ; 6) кроме венцицъ, требуютъ монеты;
7) обманываютъ добряка—покупщика, сомне-
deraison, потому, что плуты-покупщики ихъ са-
михъ обманываютъ и, слѣдовательно, извѣдавъ
правило цивилизованного торга: „стяжай по
больше для себя, хоть бы на счетъ другаго“—
они и платятъ за урокъ тою же монетою....
Жаль мнѣ васъ, бѣдныя новосёловскія дѣ-
вочки, жаль за то, что бородатые Кортесы и
Пизарры изъ Орла и Курска, заносящіе на
вашіи живописные оазисы первыя сѣмена ци-
вилизациіи, заносятъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ вашъ
чисто-человѣческій бытъ и первые элементы
гражданственной жизни для себѣ (an sich),
слѣдовательно, на счетъ другихъ, т. е. элем-
енты утонченно-разумнаго плутовства и мо-
шенничества!....

Здѣсь можно бы и кончить нашу статью,
—но для читателей, видящихъ и въ дѣтяхъ—
человѣка, я постараюсь сдѣлать какое-нибудь
практическое приложеніе, тѣмъ болѣе, что о
мелочной промышленности дѣтей крестьянъ
едва-ли кому придется охота писать статью
литературную.....

Тряпичной промышленности крестьянскихъ
дѣтей можно бы дать хорошее, полезное на-
правленіе—какое она имѣеть, напр., въ Пруссіи,
гдѣ честные Нѣцы не надуваютъ дѣ-
вочекъ блѣстками и бездѣлушками, безполез-
ными въ быту крестьянскомъ и съ молоду
прививающими страсть къ щегольству и рос-
коши,—но вымѣниваютъ у нихъ тряпки на
иголки, нитки, наперстки, ленты, кольца,
монисты (ожерелья)—слѣдовательно, на пред-
меты не одной прихоти, но и существен-
ной потребности, слѣдовательно и пользы.
Почему нашимъ владѣльцамъ пригородныхъ
слободъ не обратить вниманія на эту от-
расль полезной трудающей дѣятельности кре-
стьянскихъ дѣтей, которая до сихъ поръ
предоставлена на произволъ судебъ и пото-

(1) Какъ напр. иголки, булавки, наперстки, нитки, ленты, на которые покупщики въ Пруссіи вымѣ-
ниваютъ тряпичную ветошь. Каждая изъ этихъ
венцицъ, одна или сама по себѣ, стоитъ что ни
будь (1 коп., положимъ, или 1 гропъ); а обручки, сережки etc. продаются по двѣ, положимъ,
за 1 копейку, слѣд. цѣнность каждой изъ нихъ
не есть единица, а дробь.

му приносить имъ болѣе вреда, нежели пользы (¹)?—Почему не виушать дѣтамъ, что иголка или нитка лучше обручки, что за такой-то кусокъ тряпья столько-то долженъ дать покупщикъ и т. п? Дѣти не обманывали бы, следовательно и дѣти не пріучались бы къ обману, а съ первыхъ лѣтъ знакомились бы съ трудомъ, бережливостию, умѣньемъ запасать на будущее и, вмѣстѣ съ тѣмъ, узнавали бы ту существенную пользу, которую награждается всякий усердный, добросовѣстный трудъ. Хорошее направление дѣтской промышленности служило бы не только къ пользѣ практической, но и къ нравственному образованію дѣтей, потому что всякая дѣятельность, всякий трудъ человѣческий не могутъ обойтись безъ пособія здраваго ума и совѣсти, которые часто заглушены у промышленниковъ подгородныхъ слободъ (отцевъ и дѣтей), гдѣ близость большаго города, дающаго зарабатывать пустяками большую деньгу, внушаетъ непомѣрную жадность къ деньгамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, убиваетъ всякое соображеніе о цѣнности самого труда. Попробуйте купить, въ первыхъ лѣтнихъ дняхъ, у какого-нибудь мальчишки на Основѣ, земляники: онъ подаетъ вамъ кубышку полузеленыхъ ягодъ, величиною въ стаканъ и требуетъ „тридцать копійокъ“!... отъ того, что это новость, за которую городские разнощики берутъ и въ двоє. Одна баба на Основѣ, не смотря ни на какія убѣжденія моего знакомаго, не хотѣла ему продать цыпленка на

мысль, пятакомъ мѣди дешевле противъ цѣны въ городѣ, при всемъ томъ, что она должна была ради этой продажи проходить часа три, следовательно, убить цѣлое утро за пятакъ. Убить трудъ и время для этихъ деревянныхъ головъ—пустякъ (*непокупное—какъ говорятъ они*), также точно, какъ содрать лишнее и надуть покупателя.

И все это, согласитесь, отъ того, что дѣти не знакомятся съ молоду и постепенно съ натуральною пользою времени, труда и натуральною цѣнностью вещей, а узнаютъ только дешевную цѣнность ихъ и узнаютъ иногда случайно и по большей части отъ плутоватыхъ промышленниковъ большихъ городовъ.

Но, положимъ, что все это—благородная мечтанія, какъ называютъ книжные люди все то, надъ чѣмъ нужно имъ еще подумать; согласень, но никто же не станетъ отрицать прямой, существенной пользы того, что если бы дѣти до 10 лѣтия возраста были заняты какимъ-нибудь трудомъ, то, по крайней мѣрѣ, они не баловались бы?... А какое занятіе пріишете вы для крестьянскихъ мальчиковъ?—Школу?—но это не можетъ же быть для всѣхъ, притомъ крестьянину нуженъ въ сыниѣ хороший земледѣлецъ, а не грамотѣй. Пріютъ?—но ихъ у насъ почти еще нетъ въ сёлахъ. Барскій дворъ, ремесленное обученіе? Хорошо, но это для не многихъ, а не для массы мальчиковъ всего села... Согласитесь, что наши мальчики до 10 лѣтъ только жрутъ, да играютъ, да повѣсничаютъ. Тоже почти можно сказать и о дѣвочкахъ, которыхъ иногда могутъ находить занятіе, пяняча грудныхъ ребятъ; впрочемъ, въ общей массѣ и они до 10 лѣтъ только ёдятъ, да бываютъ баклушки.

Дайте имъ какой-нибудь материаль дѣятельности, нечуждой приобрѣтенія, выгоды, напр. собираніе тряпокъ, грибовъ; при этомъ укажите дитяти видимую цѣль—копѣйку или двѣ въ день: вы увидите, что сотни рукъ и ногъ охотно, весело придутъ въ движение. Еслибы я былъ помѣщикъ, я не предоставилъ

(¹) Неговоря о нравственномъ вредѣ—плутовства, переходящемъ отъ плутовъ—покупщиковъ къ бѣднымъ дѣтамъ, нельзя отрицать и другаго, происходящаго отъ того, что дѣтамъ никто не виушаетъ, какъ запасать тряпки. Такъ, напр., кромъ совершенно негодныхъ, оброненныхъ кусковъ, дѣти продаютъ промышленникамъ и годные еще къ употребленію, бѣлые куски, напр. куски холста для стиранія нечистоты или старой ситцевой одежды, которую, они, вѣроятно, разрываютъ нарочно на куски и проч. Это не можетъ не довести къ кражѣ и т. д.

бы дѣтской трудовой промышленности⁽¹⁾ ни матерямъ, ни тѣмъ паче, сохрани Господи! — прикащикамъ. Промышленность требуетъ нестѣсненія; слѣдовательно, нужно, чтобы дитя, трудясь, знало, что оно трулится для себя и чтобы оно получало задѣльную копѣйку или, положимъ, нужную, полезную ему вещицу, того же дня. И такъ, у меня каждый день была бы открыта контора дѣтской промышленности и это была бы лучшая школа для образованія будущихъ хозяевъ — земледѣльцевъ и честныхъ людей.

„Неужелп“ — спросятъ меня — „однимъ тряпьемъ промышляли бы дѣти?“ Нѣтъ, всѣмъ тѣмъ, что кажется ненужнымъ, изгупотребленнымъ въ сельскомъ хозяйствѣ; этихъ статей не мало — 1) щетина, собираемая весною со свиней, во время ихъ линянія (фунтъ ея, не забудьте, у насъ по 15-18 коп. сер.); 2) гусиные перья (крыло и десятокъ перьевъ щетинники — холы покупаютъ у дѣтей по $\frac{1}{2}$ коп. сер.); 3) уголь; 4) зола (четверть теперь продаютъ на селитроварни по 17-20 коп. сер., а прежде по 25-30 коп.); 5) кости — нужныя на сахарные заводы (за возъ въ сѣднихъ заводамъ сѣлахъ даютъ 20 коп. сер.). Прибавивъ къ этому еще изъ сырыхъ предметовъ: 6) лекарственная травы; 7) грибы; 8) лѣсныя ягоды — вы будете имѣть значительный матеріалъ для развитія мелочной промышленности крестьянскихъ дѣтей въ нечто весьма и весьма полезное. Dixi! —

H. K.

Петровское:
1852 г. 20-юла.

(Изъ письма въ редакцію «Московскихъ Вѣдомостей»).

Вы бы, добрые читатели, желали теперь увидѣть Петербургъ на балѣ, Петербургъ веселый и беззечный на своихъ темнозеленыхъ, глядящихъ въ голубые озера и каналы, островахъ, Петербургъ, внимающій пѣнію словъ, Петербургъ, улетающій къ живописнымъ утесамъ скалистой Финляндіи и на пароходѣ къ германскимъ водамъ, — вы бы желали увидѣть Петербургъ въ праздничномъ костюмѣ и съ улыбкою на устахъ. Увы, добрые читатели! Петербургъ въ эту минуту, съ затаенію грустию и съ траурнымъ крепомъ на шляпѣ, провожаетъ въ могилу поэта Жуковскаго, Петербургъ въ настоящую минуту на похоронахъ любимаго своего писателя! При этомъ невольно, съ прискорбіемъ, мы припоминаемъ, что за нѣсколько мѣсяцівъ назадъ, Москва хоронила другаго русскаго писателя-художника, Гоголя, который, послѣ Пушкина, былъ лучшимъ другомъ Жуковскаго...

Какія имена! Какія потери! — Долго будетъ помниться въ лѣтописяхъ русского образования 1852 годъ! Въ этотъ годъ, въ теченіе пяти мѣсяцівъ, мы потеряли лучшихъ представителей нашего юнаго образования. Мы одного за другимъ склонили Гоголя, Жуковскаго, Загоскина, и готовимся провожать въ могилу славный прахъ Брюлова . . . И другія страны, и другія области мысли и искусства въ послѣднее время одѣлись трауромъ! Франція, недавно склонила своего славнаго ученаго Бюргуфа, славнаго скульптора Прадье; не прошло и мѣсяца, какъ надъ могилою послѣдняго раздались новые вопли грусти: три ученика Прадье сошли съ ума! — Въ одно время съ вѣстью, прилетѣвшую изъ Рима о кончинѣ Брюлова, въ Петербургѣ пронесся слухъ, что молодой и даровитый артистъ Федотовъ, заслужившій въ послѣднее

(1) Этимъ хочу я отличить промышленность натуральную, безъ капитала, отъ промышленности денежной, перекупщика и перепродавца. Хотя и труль — гласитъ политич. экономія — капиталъ, но деньги болѣе идеальный или nominalный, потому что безъ сырого матеріала и рукъ онъ остается мертвымъ капиталомъ. Вспомните непомѣрную дѣятельность на то и другое въ Калифорніи.

время достойную известность своими картинами изъ частной, современной жизни русской («Сватовство въ купеческомъ домѣ»— «Орденъ»—«Комната на дняхъ умершаго чиновника»—и друг.) сошелъ съ ума... Изъ вѣрныхъ источниковъ мы знаемъ, что состояніе здоровья г. Федотова теперь улучшилось, и есть надежда, что опытные врачи со временемъ, хотя нѣсколько, облегчатъ его грустное положеніе!—Вотъ наши новости!

Остзейскій мѣщанинъ, Даніэль Гольбергъ, которому поручено было сопровождать изъ Баденъ-Бадена въ Петербургъ тѣло Жуковскаго и который въ качествѣ каммердинера одиннадцать лѣтъ неотлучно находился при покойномъ, сообщаю намъ нѣкоторыя подробности о доставлении въ Россію праха ея славнаго поэта. Свѣтловый, обитый алымъ бархатомъ гробъ Жуковскаго, по вынутіи изъ могилы, былъ поставленъ въ крѣпкій и вмѣстительный фургонъ. Въ этомъ фургонѣ привезли его къ пароходу и вмѣстѣ съ нимъ поставили на палубѣ послѣдняго. Такъ прахъ Жуковскаго былъ доставленъ въ Петербургъ. Въ Петербургѣ, на набережной Невы, въ фургонѣ запрягли лошадей, и онъ, незамѣченный ни кѣмъ, доставленъ въ Александро-Невскую Лавру, гдѣ его ожидали всѣ почести достойнаго погребенія. Во время пути изъ Германіи до Петербурга, Гольбергу строжайше было запрещено говорить, какую ношу онъ сопровождалъ въ Россію. Вѣрный слуга покойнаго, да капитанъ парохода, только и знали о ней... Любопытные пассажиры, гуляя по палубѣ, безпрестанно подходили къ таинственному фургону и, осматривая его, спрашивали у Даніэля Гольберга: что онъ везетъ?—Но вѣрный стражъ незабвенного господина оставался твердъ въ своемъ словѣ, и на всѣ вопросы отвѣчалъ, что это царскія вещи, и что онъ ихъ везетъ изъ Бадена въ Петербургъ.

22-го юла прахъ Жуковскаго коснулся рус-

ской почвы и былъ поставленъ въ храмѣ Александро-Невской Лавры. 29-го юла, во вторникъ, надъ нимъ отслужена панихида, и онъ опущенъ въ могилу. Службу надъ знаменитымъ прахомъ отправлялъ архимандритъ Макарій. Она началась въ одиннадцать часовъ утра. Въ полдень въ храмѣ вступили Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Николаевна... Ихъ Императорскія Высочества изволили стать съ правой стороны траурнаго амвона, на которомъ, подъ парчевою завѣсою, стояло тѣло покойнаго. Когда завѣса съ гроба была отдернута, Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ первый взошелъ на амвонъ и взялъ за ткань, на которой должно было нести гробъ. Первые знатныя особы, военные и гражданскія, послѣдовали Его примѣру, и гробъ былъ вынесенъ на ихъ рукахъ изъ церкви. Его Высочество не покидалъ гроба почти до самой могилы и собственными руками поддерживалъ прахъ своего наставника. Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Николаевна шла также за гробомъ до самой могилы. Послѣ обычныхъ молитвъ и напутствій церкви, гробъ опустили въ могилу, усыпанную свѣжими цветами.. Архимандритъ Макарій бросилъ на гробъ горсть земли... Ихъ Высочества послѣдовали его примѣру, и скоро гробъ, подъ землею, бросаемою въ могилу безчисленными постыделями, скрылся навсегда отъ глазъ этого мира! Мы похоронили поэта Жуковскаго!..

Могила его находится на новомъ кладбищѣ, рядомъ съ могилою Карамзина: время и случай, какъ нарочно, сохранили ему это многоизвестное мѣсто! Даѣте, вѣтво отъ этой новой могилы, возвышаются подъ-рядъ мраморные памятники Крылова, Гильдича и Баратынского... Въ день похоронъ Жуковскаго надъ этими памятниками висѣли свѣжіе цветочные вѣнки: Богъ вѣсть, кто повѣсили эти вѣнки! Слава и благодарность людей приходить незамѣченные, и тѣмъ сладостнѣе при-

— имая ими дань... Несколько дней назадъ, одинъ нашъ знакомый, проѣздомъ чрезъ Москву въ Петербургъ, посыпалъ въ Даниловомъ монастырѣ могилу Гоголя: надъ этою могилою лежала свѣжая прекрасная роза...

Жуковскій! Жуковскій! сто кратъ тебѣ благодарность за тотъ путь, который ты указалъ нѣсколькоимъ сряду поколѣніямъ русской литературы... Ты и поѣтъ старость любилъ тѣ мѣсяцы поколѣнія, реди которыхъ ты проходилъ, и которыя, какъ свѣжія поросли вокругъ стольнаго крѣпкаго дуба, вились, плодились и крѣпли вокругъ тебя... Ты написалъ Пушкину на подаренной ему тобою книжѣ: «Ученику-побѣдителю отъ побѣженаго учителя!»—Ты ласкалъ и вдохновлялъ нашего Гоголя... Ты и новѣйшей литературной братіи нашей слѣдилъ изъ далека твои благословенія. Послѣднія, еще неизѣльные произведенія нашего антологиста Михаила кова такъ радушно тобою встрѣчены: мы сами читали тѣ строки, въ которыхъ ты автору «Машеньки» и «Прогулокъ по Риму» пророчилъ силы, которыя способны дать новый ладъ русской поэзіи!... Миръ ираху твоему! Ты былъ выражениемъ поэзіи русской съ начала до конца цѣлой половины вышеннаго вѣка, и вѣкъ нашъ отразилъ къ тебѣ все хорошее, не дерзнувшіе коснуться до тебѣничѣмъ злымъ... И мы, которые стали между тобою и твоимъ потомствомъ, съ теплотою любовію сохранимъ въ сердцѣ нашемъ старца-Жуковскаго, въ далекомъ Баденѣ возсоздающаго намъ другаго старца, бессмертнаго слѣпца Гомера... Ты нась не забывалъ, и поэтическая душа твоя вѣчно стремилась къ нашему молодому, беспечному, литературному кругу. Ты говорилъ, что тебѣ вѣчно хочется взглянуть на нашу молодую семью, хочется подарить насъ своимъ словомъ—

«.... чтобы старости своей,
По старому, хотя на мигъ одинъ,
Дать съ молодостью вашей разгуляться,
Но, чувствуя, что на пиру ея,

Гдѣ все кипитъ, поетъ, кружится, блещетъ,
Не ловко старику: на варь ужъ ладъ
Матъ не поется.... Лица измѣнили
Мою поэзію... Она теперь,
Какъ я, состарѣлась и присмирѣла!
Не увлекается хмѣльными восторгами;
У рубежа вечерней жизни сила,
На прошлое, безъ грусти, обращаетъ
Глаза и, думая о томъ, что нась
Въ грядущемъ ждетъ,—молчитъ....

Прости же навсегда, славный поэтъ нашъ!
Да будетъ миръ надъ твою могилою...

На этомъ словѣ мы прекращаемъ бесѣду нашу; мы не имѣемъ силы въ фельетонѣ, которому суждено было говорить о прахѣ Жуковскаго, сказать еще о чёмъ либо другомъ...

Спб. 30 июля.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

(Читаны въ литературномъ собраниі, въ частномъ домѣ.)

ОДЕССА.

(Отрывокъ.)

Да, хороша Одесса, если на нее
Взглянуть не сквозь слезливыя очки
Полуслѣпой привычки къ старому-родному!

Какъ весело бродить по Ришельевской,
Гдѣ вѣчные и шумъ, и толкотня,
Гдѣ вавилонское смѣшанье языковъ,
Гдѣ вѣжный позъ гуляетъ такъ свободно,
Безъ скучнаго палзора строгихъ глазъ!...
Красотками не славится Одесса,
Но межъ Еврѣкамъ милашкѣ я встрѣчалъ,
Когда въ часы священнаго Саббата,
Одѣвшися и въ бархать, и въ атласъ,
Огнистою повязкою сверкная,
По Ришельевской вѣжно, какъ царица,
Дщерь чернобрювая Израїлѧ, идѣгъ.—

Пале-рояль—что обольстительнѣй его!
Здѣсь все, что создаетъ природа,
Что дѣлаетъ искусство человѣка
На роскошь человѣка,—за дверьми

Хрустальными во всей красѣ блестѣтъ
И аразинѣ взоры зрителя, и горе
Ему, коль у него въ карманѣ пустой

А шумная кофейня Стефано!
А Жан-Батист-Каруа (*), этотъ царь
Всѣхъ ресторановъ... Чудные салоны!...
Какъ вкусенъ тамъ глинтвейнъ благовонный,
Иль жирный шоколадъ...

Но болѣе всего
Поэзіи даютъ одесской жизни
Два міра звучные: міръ оперы я—моря.
Какъ упоителенъ, чарующъ первый міръ,
Гдѣ тонешь въ морѣ звуковъ сладострастныхъ,
Италии прекрасной отголоскахъ!
Роскошная сеньора Сеччи-Корси
И томная Скалезе тамъ блестятъ,
Полуденныхъ небесъ двѣ яркія звѣзды,
Двѣ арфы чудныя: одна изъ нихъ
Блаженствами земной любви звучитъ
И сладкой нѣгой проникаетъ въ душу;
Другая вѣсть музыкой небесной,
Святою грустью о родномъ-далекомъ....

Еще прекраснѣй моря величавый міръ,
Съ его гармоніей немолчной, тайны полной;
При немъ, близъ статуи чугунной Римемье,
Любиль встрѣтить въ утра часъ безмолвній.
Слегка вздымаясь зеленою волной,
Безбрежное сверкало предо мною,
И говоръ слышался, тревожный и глухой,
Издалека, какъ гулъ передъ грозою;
У пристани толпились корабли
И яркіе на нихъ нестрѣлы флаги;
Тамъ быстрый пароходъ скользилъ вдали,
За нимъ вился сребристый слѣдъ по влагѣ
И длинной лентою тянулся черный дымъ,
А на краю далекаго востока,
Гдѣ море сливо съ небомъ огневымъ,
Веднижной точкой парусъ одинокій
Бѣжалъ....

Вотъ, съ брандвахты зазвучалъ
Громѣ пушки заревой, по морю прокатился:
Край солнца вымырнулъ изъ водъ и засверкалъ,
И въ тысячи лучей по влагѣ раздробился....

Да, хороша Одесса! Но любишь ей,
Я все грустналь обѣдной родинѣ моей....

Харьковъ.

РАЗЛУКА.

(Посвящается М. С.)

Мило головку твою осѣнили
Волны каштановыхъ рѣзвыхъ кудрей,
Дивно слились простота и лукавство
Въ лицикѣ лѣгкому твоемъ.

Въ свѣтлыхъ, какъ молія быстрыхъ, глашаніяхъ
То плутовство, то стыдливость блеснетъ,—
Въ кроткий улыбкѣ младенческихъ губокъ
Тайно коварство скользить.

Гибокъ и тонокъ, и строенъ, какъ пальма,
Чудно очеркнутый станъ молодой;
Слышишь музыка въ легкой походкѣ
Крошецкой ножки твоей.

Если мой взглядъ на тебѣ отдыхаетъ—
Тихаго счастья я полонъ тогда...
Только порою тревожная дума
Душу смущаетъ мою:

Время придетъ — на поблѣдѣла щека
Кудри, сѣйя, повиснутъ твои,
Взглянуть безжизненно быстрыя очи,
Сгорбится станъ молодой.

Смѣхъ беззаботный смѣнится ворчаньемъ,
Ходоль на пылкую душу надеть...
Время твою красоту развиваетъ,—
Время се и сотретъ!

Мы разстаемся.. Желаѣть-бы я вѣчно
Чудную видѣть головку твою ...
Но не хочу, чтобы при мнѣ развивались
Пышныхъ кудря ев.

Юность быстра.. Ты роскошно прекрасна....
Лучшей поры для тебя не придетъ,
Лучшей поры для разлуки не будеъ,—
Такъ разойдемся жъ на-вѣкъ!

Благоговѣю тебѣ до могилы
Въ памяти свѣтлой хочу я дочесть,
Будетъ въ душѣ моей образъ твой милый
Юностью вѣчно цвѣсть.

Харьковъ.

(*) Стихотвореніе это—воспоминаніе объ Одессѣ прошлаго десятнѣя.

Одес.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНИЯ.

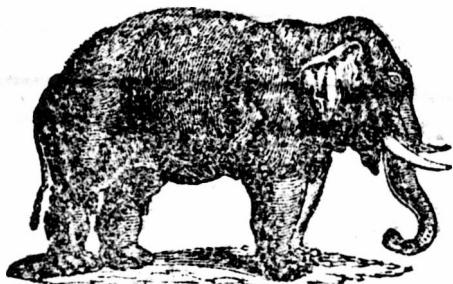
О ЗВЕРИНЦЕ.

1) Я, нижеподписавшийся, имѣю честь извѣстить почтеннѣйшую публику, что я недавно прибылъ сюда съ своимъ большимъ звѣринцемъ, который будетъ показываться только до 1-го числа сентября 1852 года, и оставлюсь увѣренъ, что почтеннѣйшая публика осчастливитъ меня своимъ вниманіемъ. Короленіе звѣрей бываетъ ежедневно въ 6 часовъ вечера, при которомъ и слонъ будетъ показывать свое искусство.

Мѣсто показыванія звѣрей на Никольской площасти въ большомъ балаганѣ.

Цѣна мѣстамъ: за 1-е мѣсто 50 к., за 2-е 25 к. сер., дѣти моложе 10-ти лѣтъ за 1-е мѣсто платятъ половину.

Карлъ Бергъ изъ Гамбурга.—1.

2) Нѣкто, знющій довольно хорошо свое дѣло, желаетъ принять на себя обязанность адвоката. Спросить въ домѣ купца Алексея Смирнова, имѣющаго собственный домъ, близь Харьковскаго моста.—1.

3) Музыкальный магазинъ Гергарда въ Харьковѣ, на Московской улицѣ, въ домѣ Чистяковыхъ, рекомендуетъ, кромѣ большаго выбора музыкальныхъ нотъ всяаго рода, съдѣляющіе вновь полученные инструменты, лучшиихъ иностраннѣхъ мастеровъ, по весьма умѣреннымъ рѣшительнымъ цѣнамъ:

Скрипки, альты, віолончели, каптрабасы, дѣтскія скрипки, флейты, кларнеты, гобои, фаготы, трубы и волгорны съ педалями и машинами, смычки парижскіе для скрипокъ и віолончелей, итальянскія струны, лучшую парижскую канифоль и проч.—2.

4) Г-жи Гопиталь и Берто, прѣбывавшія недавно изъ Парижа, привезли съ собою большое количество шлянокъ, лентъ, манто, мантій, дамскихъ жилетовъ, мужскихъ сорочки, галстуковъ, большой ассортиментъ перчатокъ и бѣлья и имѣютъ честь извѣстить почтеннѣйшую публику, что всѣ означенныи товары продаются въ лучшемъ качествѣ и по самымъ сходнымъ цѣнамъ.

Противъ дворянскаго собранія, въ домѣ Кулаковой.—3.

5) Съ разрѣшенія Правительствующаго Сената, продаются по вольнымъ цѣнамъ дворовое мѣсто, съ каменнымъ домомъ въ строеніемъ, принадлежащее наследникамъ умершаго иностранца Федора Грубе, состоящее г. Харькова 2-й части на Сумской улицѣ; о цѣнѣ узнать отъ опекуновъ: содержателя аптеки провизора Генриха Сартисона и харьковскаго Зильдіи купца Петра Торесона—1-й въ домѣ Кузиной, на Никольской площасти, а послѣдній въ домѣ Грановскаго, на Московской улицѣ.—3.

Отправляющіеся за границу.

1) Гамбургскіе купцы: Гансъ Шредеръ, Генрихъ Оттень и Корстонъ Штальбакъ.—1.

2) Прусская подданная лѣвица Марія Кронратъ (спросить въ домѣ Грановскаго).—3.

3) Жена фридрихсгамскаго купца—Наталия Швальбахъ съ малолѣтними дочерьми Наталиею, Эльвиною и Еленою (спросить на дачѣ въ Малой Даниловкѣ).—3.

4) Прусскій подданный Леопольдъ—Александръ Суплинъ.—3.

5) Юлій Филипъ, великобританскій подданный.—3.

ВѢДОМОСТЬ

о приезжающихъ и выезжающихъ.

отъ 8 по 16 августа прибыли:

Изъ г. Бѣлогорода, ген. маіоръ Гастферъ и маіоръ Маркеловъ; г. Чугуева, подполк. Кунчишъ; г. Лебединъ, надв. сов. Варадиновъ; г. Керчи, маіоръ

Пунть; г. Одессы, кол. асс. Корольковъ; г. Ахтырки, предв. двор. Бахметевъ; г. Змієва, от. маіоръ Альимовъ; сл. Коцебы, ген.-маіоръ Евреиновъ; г. Симбирска, кол. асс. князь Хованскій; г. Лебединъ, от. полк. Мариновскій; г. Новосерпухова, кол. асс. Зборомирскій; г. Никиторска, ст. сов. Дьяченко; г. Богодухова, предв. двор. Апленковъ и надв. совѣтъ, Бражинскій; сл. Мерчикъ, полк. графъ Орловъ-Денисовъ; С.-петербурга, надвор. сов. Яницъ; г. Бѣлогорода, надв. сов. Ивацовъ.

Выѣхали.

Въ г. Чугуевъ, стат. сов. Шрейбергъ и подполк. Морковниковъ; С.-петербургъ, стат. сов. Шредеръ, г. Умань, ген.-маіоръ де Россі; г. Полтаву, от. полк. баронъ Энгельгардъ; сл. Ольшану, предв. двор. Конватевскій; г. Кубанскъ, надв. сов. Ивановъ; г. Курскъ, надв. сов. Веретеновъ; г. Изюмъ, от. полк. Бутовичъ; г. Тулу, ст. сов. Дьяченко; г. Лебединъ, от. полк. Мариновскій; г. Чугуевъ, кол. асс. Бичъ-Луценскій; сл. Кочетокъ, подполк. Эренкрайцъ.

Редакторъ А. Барыковъ,

Печ. дозвол. 16 августа 1852 г.
Цензоръ Н. Костыръ.